Анжела АКСЁНОВА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В МЕДИА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье предпринята попытка представить лингвистические средства репрезентации действительности через анализ основных элементов социального медиаконфликта.

Ключевые слова: *конфликт, речевая модель конфликта, пространство, время, пространственно-временные отношения.*

Anzhela AKSENOVA

REPRESENTING SOCIAL CONFLICT IN MEDIA THROUGH THE LENS OF TIME-SPACE RELATIONS

The article attempts to present linguistic means of creating the context of reality through analyzing the main elements of social media conflict.

Key words: *conflict, speech model of conflict, space, time, time-space relations.*

По данным исследований, российское общество в настоящий момент находится в условиях затяжного психологического кризиса. В военный конфликт мы вступили уже с достаточным уровнем тревоги и депрессивной симптоматики после пандемии COVID-19. Опрос ИП РАН и ВЦИОМ в сентябре 2023 года показал, что признаки депрессии есть у 32% респондентов [Нестик 2023]. На этом фоне в современной медиакартине мира актуализируется социальная тематика, так как в условиях проживания коллективных травм необходимы опоры в виде практики простых решений, что и реализует социальная журналистика – она помогает сменить фокус внимания с глобальных проблем на себя, снова поверить в контроль над своей жизнью.

Объектом исследования в настоящем исследовании стала социальная тематика в современной медиакартине мира, а предметом – социальный конфликт. Гипотеза работы строится на следующем положении: отдельные элементы речевой модели основных нарративов современной медиакартины мира помогают выстраивать ценностные и поведенческие ориентиры. Цель исследования – определить лингвистические средства репрезентации социальной действительности. Задачи реализуются через следующий алгоритм

анализа: 1) выявляются повторяющиеся социальные нарративы в медиасреде; 2) подвергаются анализу их речевые модели; 3) определяется роль пространственно-временных отношений в построении медиаконфликта.

Эмпирическую базу составили материалы на социальную тематику, опубликованные в газете «Комсомольская правда» за 2023 календарный год. Выбор оправдан авторитетностью издания: согласно данным «Медиалогии», «КП» занимает первое место в рейтинге по цитируемости в соцмедиа [Федеральные СМИ: 2023]. Анализ повестки СМИ показал, что рубрика «Общество» наиболее заполняема (ежедневно публикуется около 30 материалов). Заметим, что для анализа отбирались не все тексты на социальную тематику, а только истории, поскольку именно этот формат позволяет выявить типичные темы и сюжеты в медиаповестке. Выборка составила 115 материалов.

Было замечено, что наиболее часто встречающимся нарративом в «Комсомольской правде» является борьба, принимающая форму социального конфликта, – именно эта речевая модель и представлена в статье. Определим место социального конфликта в социальной парадигме медиа.

Согласно классикам отечественной конфликтологии, выделяется 11 научных знаний, предметом которых является конфликт [Анцупов, Шипилов 2009: 32]. Междисциплинарность понятия делает сложным процесс определения дефиниции, поэтому ученые предлагают сузить его и выделить два основных вида конфликта: 1) социальный; 2) внутриличностный [Там же: 87]. Так, слово «социальный» указывает не столько на сферу, в которой протекает конфликт, сколько обобщает группу конфликтов, протекающих во внешних условиях.

Понятие социального конфликта в различных исследованиях разнится, однако общие характеристики выявляются. Так, в основе социального конфликта лежит столкновение интересов и ценностей или же борьба за социальные ресурсы. Заметим, что определение социального конфликта дается через лексические единицы, указывающие на длительность: состояние [Запрудский 1992: 54], процесс, случай обострения [Бабосов 1997: 55].

Действительно, социальный конфликт – это некая форма противоречия, начавшаяся в прошлом, имеющая продолжение в настоящем и разрешающаяся в ситуации взаимодействия участников с противоположными намерениями. Так, онтологическая сущность конфликта в рамках системного подхода к определению понятия

помещается в следующую модель: «переменные – пространство – время – зависимости» [Леонов 2006: 159

С представлением о социальном конфликте как о специфической ситуации, очерченной пространством и временем, соглашаются и другие авторы [Фоменков 2018; Рябцев, Шитив 2001: 103]. Эти две основные характеристики помогают проанализировать содержание конфликта и стадии его развития. Анализ материала показывает, что при репрезентации социального конфликта особую роль играют пространство и время, в которых он развивается. Именно поэтому в настоящем исследовании сосредоточим свое внимание на определении координат социального конфликта.

На первый взгляд, пространство медиаконфликта имеет лишь прагматическое значение, однако наблюдается его символизирующая функция. Образ среды создается с помощью стратегий обобщения и типизации. Для этого используются развернутые метафоры, например, проводится параллель между Копейском-Челябинском и Балашихой-Москвой: *Копейск – что-то вроде Балашихи. Пригород мегаполиса (если соседний областной центр Челябинск вообще можно сравнить с крепкой Москвой). Пролетарский. Щедро нашпигованный предприятиями и исправительными колониями, да так, что еще неизвестно, кто тут более «градообразующ»: рабочие или зеки…* (КП. 12.05.23).

В другом тексте даже такая небольшая деталь, как надпись на стене, создает образ социально-культурного среза среды: *не хочет предприятие содержать школы, садики, всю инфраструктуру за полярным кругом, дорого им это, глупость сделала советская власть - выселили бы нас всех, завозили бы одних шахтеров вахтовым методом…На доме, который мы проезжаем, написано: «Слава КПСС»* (КП. 21.03.23).

Так, в медиатекстах, где действие происходит в отдаленных от столицы городах, создается стереотипный образ русской провинции, что подтверждается и такими номинациями, как *среднерусский городок, посреди великорусской хтони (*КП. 12.05.2023*), здесь сошлись фирменные несчастья среднерусского строительства, обычная школа в обычном городке* (КП. 05.07.23), *пыталась вслух объяснить загадку русского общества* (КП. 18.04.23).

Возведение локального пространства до масштабов страны, на наш взгляд, является доказательством наличия глобальной проблемы. Перифразы расширяют пространство текста и возводят место одной

истории в целый концепт, относящийся ко всей российской действительности. Например, Воркута превращается в Русский Север, что масштабирует последствия экологической аварии города: *Мэрия Воркуты тут же пригнала МЧС, оперативно разобрала завал – Власти скрывают, как травят Русский Север* (КП. 21.03.2023). А подъезды разных городов (*В Костроме жильцы подняли постыдный бунт; В Подольске у Юлии Величко, мамы ребенка, больного церебральным параличом, соседи тоже выломали откидной; И в Магнитогорске установилось тихое правило. Повезет инвалиду – хорошо. Не повезет - колясочник уступит*) сворачиваются до одного обобщенного подъезда для всех: *кстати, дорогой читатель, вы уверены – что ваш подъезд другой?* (КП. 18.04.2023).

Интересно, что города представляют разные части страны, таким образом, некая социологическая выборка создает контекст, что и оправдывает появление бытовой локальной истории в медиаповестке.

Типизация пространства строится и на повторяющейся черте – подчеркнутая отдаленность от агломераций: *в поселке Лукаши под Гатчиной* (КП. 05.07.23), *пригород мегаполиса* (КП. 12.05.23), *далекий Магнитогорск* (КП. 18.04.2023), *за полярным кругом* (КП. 21.03.23). Так, наблюдаем глаголы перемещения, подчеркивающие длинную дорогу автора к месту событий: *разбираться… **отправился** обозреватель* (КП. 12.05.23), ***выдвинулись** в командировку*. ***На перекладных*** (КП. 21.03.2023).

Если же в центре текста не далекий город, а находящиеся рядом дворы и дома, то акцента на способе попадания в контекст ситуации нет. Однако подчеркнутая труднодоступность все же остается: *стоит свернуть за новенькую многоэтажку, как попадаешь в совсем другой мир* (КП. 03.02.23), нет *ни одной калитки, ни одной тропинки, ведущей наружу* (КП. 30.08.23), *уже издалека вызывает ужас* (КП. 25.08.23).

Общественная среда может служить объяснением причины сложившейся конфликтной ситуации. Так, социально-экономические условия могут представляться через характеристику размеров пространства: *небольшого, затерянного в просторах и масштабах России городка* (КП. 12.05.2023), *маленькая школа в бедном поселке* (КП. 05.07.23). Или же различными социологическими параметрами (рынок труда, уровень девиации, безопасности и т.п.). Например, образ пространства Лукаши создается с помощью лексических средств борьбы: *вспоминает как о голливудском боевике, слава в народе о ней ходила лихая, драка за дракой.* Высокий уровень криминальности

передается и высоким распространением пейоративной лексики: *гад, какой-то дряни, притон, у сволочи, окучивали школу* (КП. 05.07.2023). В тексте о коррупции замечаем и номинации основных социально-трудовых статусов: *кто тут более «градообразующ»: рабочие или зеки…* (КП. 12.05.2023). Демографический срез населения Воркуты тоже подчеркивается: *шахтеры, их семьи и бывшие шахтеры, не сумевшие вовремя уехать на Большую землю* (КП. 21.03.2023).

Как правило, описание пространства сопровождается актуализирующейся деталью, которая работает на выявление скрытого смысла конфликта. Так, в тексте про многодетные семьи, которые не могут восемь лет начать строительство домов, постоянно возникает Семейная улица как образ долгожданной мечты и надежды; в тексте про соседей, ругающихся за проход к участку, лейтмотивом проходит недоступное пространство: *еще один сосед отказался пропустить «замурованную» в собственном доме семью из Якутска; правда, для этого пришлось протискиваться через щель шириной с растопыренную ладонь; они стоят там, смотрят на высокий забор и не знают, как быть* (КП. 30.08.23).

Время же медиаконфликта репрезентируется более специфическим образом. Стадии конфликта, по сути, должны протекать линейно, однако время здесь не выполняет хронологическую функцию: несмотря на указанные даты, проследить этапы развития событий достаточно сложно. Время, скорее, служит лишь маркером продолжительной ситуации, на что указывают такие словосочетания: *на днях* (КП. 03.02.23), *на шестом году* (КП. 13.09.23), *за эти годы* (КП. 25.08.23), *за минувшие недели* (КП. 19.09.23).

Однако детализация времени все же прослеживается, когда нужно подчеркнуть масштабы проблемы: *аварийного сняли в 2017-м году, а оповестили только в 2023-м* (КП. 25.08.23), *еще в 2015 году, первая проектно-сметная документация по строительству означенных коммуникаций появилась еще в 2014 году* (КП. 13.09.23), *два года назад обращался к президенту* (КП. 21.03.2023).

В целом, ощутимая длительность конфликта подтверждает его наличие: в основе конфликтной ситуации лежит напряженность, которая из-за долгого периода существования и нерешенности переросла в более явное столкновение [Шарков, Сперанский 2014: 109]. Рассмотрим в качестве показательного примера историю про долгострой домов для многодетных, который продолжается восемь лет (КП. 13.09.23).

В начале текста родители *недоумевали*, что спустя столько времени их земли могут забрать обратно. Подчеркивается их длительное нахождение в состоянии бесконечного ожидания. Использовано много глаголов будущего времени, передающих мечты: *проведут, задействуют, зашумят, отпразднуют*. Далее появляются глаголы настоящего времени несовершенного вида: *так и живем, долго возились, судились, никаких дорог с сетями в квартале так и не появилось*. То есть фиксируется продолжительное отсутствие результата, застой конфликтной ситуации, и только в самом конце замечаем глаголы совершенного вида: *многие отчаялись и продали участки*. Таким образом, затяжной характер конфликта приводит к ощущению тупика, безысходности положения.

Время, действительно, влияет на психоэмоциональное состояние участников медиаконфликта. Например, хронологические рамки текста о создании Совета дома – апрель-конец лета (КП. 19.09.23). Если в начале текста соседи были воодушевлены (*споры у подъездов превращались в милый ежевечерний клуб*), то к окончательному потеплению у людей интерес спал (*лето не располагает к склокам и посещениям чиновников*).

Время также может быть маркером того, насколько болезненно переживается ситуация пострадавшими. Так, например, разваливается дом, в котором герой прожил 42 года: *79-летний Вениамин Котов настоящий старожил этого дома – здесь он живет уже 42 года. Всю жизнь мужчина проработал на заводе «Красное Сормово» на строительстве подлодок для Севастополя и Северодвинска. Получил звание ветерана труда. Однако доживать жизнь приходится в этом покосившемся общежитии* (КП. 03.02.23). Или в похожей истории женщина вырастила в квартире двух дочерей, а теперь вынуждена съехать с нее: *Зимфира Камалитдиновна прожила в своей больше сорока лет. На этих 49 квадратных метрах вырастила двух дочерей. Уже в 1978-м, когда родилась вторая, это жилье нельзя было назвать удобным* (КП. 25.08.23). Все эти детали как бы подчеркивают масштаб проблемы (разрушения жилья) для субъектов медиаконфликта, для них эта личная трагедия.

Таким образом, за пространством скрывается социальный контекст, возможные причины конфликта и значимые ценности. Через стратегии типизации и обобщения с помощью метафор и перифраз создается образ среды, а за актуализирующейся деталью стоит скрытый смысл конфликтной ситуации.

Время же – маркер оценки ситуации, степени травматизации от происходящего, оно теряет свою первичную прагматическую функцию и не фиксирует строгие хронологические рамки, а лишь доказывает существование конфликта.

Пространственно-временные отношения работают на создание образа истории, возводя ее из разряда личного в разряд общественного, что, действительно, создает определенные рамки для осмысления действительности.

Список литературы:

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – М.: ЮНИТИ, 2009. – 276 с.

Бабосов Е. М. Основы конфликтологии. – Минск: Право и экономика, 1997. – 392 с.

Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт (политологический анализ): автореферат диссертации на соискание степени доктора философских наук. – Ростов-на-Дону, 1992. – 41 с.

Леонов Н. И. Онтологическая сущность конфликтов: хрестоматия по конфликтологии / сост.: Зинчина А.Б. – Харьков: ХНАГХ, 2008. – 166 с.

Медиалогия. Медиарейтинг самых цитируемых СМИ. 2023. URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/12787/

Нестик Т. Психологической состояние российского общества в условиях СВО. Социодиггер. Том 4. Выпуск 9. URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo

Рябцев В. Н., Шитив М. А. Конфликтология. Хрестоматия. – Ростов-на-Дону, РГУ. – 2001. – 488 с.

Фоменков А. И. Социальный конфликт: генезис понятия, эволюция идей, типология // Гуманитарный вестник. – 2018. - №6. – 15 с.

Шарков Ф. И., Сперанский В. И. Общая конфликтология. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 240 с.

АКСЁНОВА Анжела – студент кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург), anzhelaaksenovajournalist@mail.ru

Научный руководитель – *Коняева Юлия Михайловна*, к. филол. н., доцент кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).